

Социальное управление демографическими процессами и демографическая ситуация в Средней Азии и Казахстане.

Особенности демографической ситуации и демографических тенденций принадлежат к числу наиболее важных региональных особенностей Средней Азии и Казахстана. Главное отличие этого региона от всех других крупных регионов страны /в несколько особом положении находится лишь Закавказье/ определяется высоким и устойчивым уровнем рождаемости у представителей коренных национальностей среднеазиатских республик и Казахстана. В настоящее время на долю указанных республик приходится 15,5% всего населения страны, но примерно четверть всех рождающихся детей. Демографические показатели региона оказывают большое влияние на общесоюзные показатели, до некоторой степени нейтрализуя эффект низкой рождаемости в большинстве союзных республик.

Речь идет, таким образом, о весьма серьезном явлении, которое имеет уже сейчас, а тем более может иметь в будущем весьма важные и разнообразные экономические, социальные и прочие последствия, ощутимые в масштабах всей страны. Необходимо разобраться в природе этого явления, понять, чем обусловлены нынешние демографические особенности Средней Азии и Казахстана, как долго они будут сохраняться. Сейчас у специалистов нет единодушного ответа на все эти вопросы. Наряду с авторами, утверждающими, что, несмотря на высокий сегодняшний уровень рождаемости у коренного населения Средней Азии и Казахстана, ряд признаков говорит о намечающемся его интенсивном снижении^{1,2/}. есть и такие, которые полагают, что корни многодетности "еще долгие годы будут питать демографическое древо региона"^{3/}.

В настоящем докладе мы не занимаемся непосредственным прогнозированием эволюции демографической ситуации в Средней Азии и Казахстане, а пытаемся развить теоретический подход к пониманию такой ситуации и детерминирующих ее факторов, основанный на общих представлениях о функ-

ционировании демографической системы как одной из жизненно важных подсистем общества. Эта подсистема состоит из тех же людей, которые образуют и само общество, вместе со связывающими их демографическими отношениями^{4/}, т.е. социальными отношениями, в которые они вступают по поводу производства и сохранения жизни себе подобных. Специфическая функция демографической системы - поддержание непрерывности воспроизводства поколений людей, воспроизводства населения.

Демографическая система - вероятностная^{5/}. Воспроизводство населения есть суммарный итог массы индивидуальных демографических итогов, или демографических исходов жизни отдельных людей. Если следовать общепринятой в демографии схеме выделения цикла замены материнского поколения поколением дочерей, то, применительно к отдельной человеческой жизни, можно говорить о трех видах демографических исходов: прокреационном, витальном и репродуктивном /воспроизводственном/. Прокреационный исход - это число дочерей, рождаемых женщиной за всю ее жизнь, витальный исход - число лет, прожитых /в данной схеме - каждой из дочерей/ от рождения до смерти, воспроизводственный исход - число дочерей, доживающих до возраста матери в момент рождения соответствующей дочери.

Как правило, в каждом индивидуальном случае имеется некоторое потенциальное множество демографических исходов, заданное биологически. Пренебрежем для определенности некоторыми крайними случаями и примем, что каждая женщина может родить от 0 до 12 детей /множество прокреационных исходов/ и каждая из ее дочерей может прожить от 0 до 100 лет /множество витальных исходов/. Различные комбинации этих исходов образуют множество воспроизводственных исходов. Если сделать дополнительное допущение, что половина рождающихся детей - всегда девочки /для отдельно взятого случая это, конечно, неверно/, то теоретическое множество воспроизводственных исходов содержит 7 возможностей /от 0 до 6 дочерей, приходящихся на смену матери/.

В отдельной индивидуальной жизни может реализоваться только один

из всего множества демографических исходов каждого вида, причем предсказать его заранее невозможно. Когда же мы переходим от отдельного человека или отдельной семьи к населению, то здесь может оказаться реализованным все множество потенциальных демографических исходов, и все дело в том, какова вероятность появления того или иного исхода в общей их массе. Можно представить себе, что появление любого из возможных исходов равновероятно, скажем, что одинаковое число матерей рождает 0, 1, 2 и т.д. - до 12 - детей. Однако гораздо более правдоподобна иная ситуация: вероятность различных прокреационных исходов не одинакова. Всегда есть женщины, не рождающие ни одного ребенка или рождающие 12 детей, но вероятность этих исходов намного меньше, чем вероятность рождения, например, 1-2 детей в семье современного москвича или ленинградца или 6-8 детей у сельских жителей Средней Азии. Равновероятность демографических исходов свидетельствовала бы о том, что их разнообразие никак не ограничено. Неодинаковость вероятностей различных исходов говорит о том, что это разнообразие определенным образом ограничено, упорядочено. Такая упорядоченность представляет собой результат процессов управления ^{6/}, протекающих внутри демографической системы и внутри общества как системы более высокого иерархического уровня. Эти процессы различны по содержанию, области воздействия и т.п.

Разнообразие витальных исходов отчасти ограничено биологически. Жизнеспособность организма и его способность противостоять внешним воздействиям во много определяются внутренними, эндогенными процессами и потому неодинаковы в разных возрастах. Они незначительны в ранних детских возрастах, затем быстро повышаются, чтобы в дальнейшем снова начать снижаться под влиянием естественного старения организма. Однако реальные витальные исходы зависят не только от эндогенных факторов, действие которых не меняется на протяжении человеческой истории, но и от силы и интенсивности внешних, экзогенных неблагоприятных воздействий. С точки зрения развития индивидуального организма, поток этих воздействий неупорядочен, случаен, вероятность оказаться объектом подобных

воздействий, а также вероятность того, что их сила превысит защитные способности организма и приведет к смерти, мало зависят от возраста. Поэтому сильная зависимость смертности от ее экзогенных факторов тождественна власти смертельно опасного случая над жизнью человека, неопределенности витальных исходов, слабому ограничению их разнообразия. Когда же общество в результате исторического развития овладевает способностью ограждать человека хотя бы от части наиболее опасных внешних воздействий, оно тем самым ограничивает роль случайности, уменьшает разнообразие витальных исходов, оттесняет смертные случаи к поздним возрастам, где они биологически закономерны. Таким образом, общество может, в принципе, управлять витальными исходами, ограничивать их разнообразие, и чем выше его способность устранять неблагоприятные внешние воздействия /голод, заразные болезни, войны, непосильный труд и т.п./, тем выше эффективность такого управления. Множество реализованных витальных исходов характеризует режим дожития данного населения и может быть представлено в виде функции возраста $l(x)$ - хорошо известная в демографии функция дожития. Свернутой, обобщенной характеристикой режима дожития служит средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденного $e(0) = \int_0^{\infty} l(x) dx$.

Разнообразие прокреационных исходов ограничивается главным образом благодаря социально детерминированным формам демографического поведения, резко повышающим вероятность тех исходов, которые объективно необходимы при данном демографическом состоянии общества. Множество реализованных прокреационных исходов характеризует режим рождаемости конкретного населения, который описывается функцией рождаемости $f(x)$. Ее обобщенное выражение /с учетом того, что нас здесь интересует только девочки/ - брутто-коэффициент воспроизводства населения $R = \delta \int_0^{\infty} f(x) dx$, где δ - доля девочек среди новорожденных.

Соединение режима рождаемости с режимом дожития дает режим воспроизводства населения. Ему соответствует некоторый обобщенный для все-

го населения воспроизводственный исход, выражаемый через нетто-коэффициент воспроизводства населения $R_0 = \int_0^{\infty} l(x) \ell(x) dx$, который можно трактовать как динамическую характеристику состояния демографической системы, функционирующей в данном режиме. Возможно бесчисленное множество комбинаций режимов рождаемости и дожития, стало быть и воспроизводственных исходов. Если их разнообразие как-то ограничено, то это может казаться простым результатом независимого ограничения разнообразия прокреационных и витальных исходов. Однако здесь возможен и другой взгляд. Демографическая система, как всякая самоуправляющаяся система, имеет свою внутреннюю цель - самосохранение, выживание - и допускает длительное существование только тех состояний, которые не противоречат этой цели. При таком подходе реализуемые воспроизводственные исходы должны рассматриваться не как пассивный результат независимых процессов рождаемости и смертности, а как основополагающий критерий, которому, благодаря наличию в системе обратных связей, должно быть подчинено согласование между собой реализуемых витальных и прокреационных исходов. Практически, поскольку продление человеческой жизни всегда рассматривается как благо, как самостоятельная социальная цель, формирующаяся за пределами демографической системы, саморегулирование этой системы заключается в приведении рождаемости в соответствие с целью ее функционирования при данных условиях смертности. Это всегда - основная задача такого регулирования, протекающих внутри системы процессов управления.

Рассмотрим график на рис. 1 - "поле возможных режимов воспроизводства населения". В основу построения графика положены модели стабильного населения Э. Коула и П. Демени. На нем одной точкой может быть представлен практически любой режим воспроизводства, который может встретиться в человеческой истории. В результате процессов управления, протекающих в демографической системе, многообразие режимов ограничивается, и реализуемые режимы группируются, как правило, во вполне определенных зонах графика.

Есть два типа объективных ограничений, которые определяют контуры этих зон. Прежде всего укажем на демографические ограничения, от которых зависят границы области демографической свободы. Физиологическая плодовитость женщины /различная у разных населений вследствие санитарно-гигиенических, культурных, экологических и т.п. различий/ определяет границу этой области справа. Максимально достижимая в данном обществе средняя продолжительность жизни образует ее верхнюю границу. Наконец, граница снизу диктуется стремлением демографической системы к самосохранению и совпадает с "линией простого воспроизводства". Все три граничные линии, пересекаясь, образуют треугольник, внутри которого и находится область демографической свободы, т.е. область производственных исходов, одинаково допустимых с точки зрения демографических ограничений. Вне треугольника имеются области возможных, но недопустимых, с точки зрения самосохранения системы, исходов, а также исходов, невозможных при данных демографических ограничениях /рис. 2/.

Ни один из воспроизводственных исходов, попадающих в область демографической свободы, а значит и соответствующих им режимов воспроизводства не угрожает длительному существованию демографической системы. Поэтому, если бы такая система была совершенно изолированной, не возникало бы необходимости в ограничении разнообразия воспроизводственных исходов внутри области свободы. Однако на самом деле демографическая система - лишь одна из многих подсистем общества, в силу чего в ее функционировании неизбежно должны учитываться экономические, социальные и прочие недемографические ограничения.

К числу таких ограничений относятся исторически и социально обусловленные требования к предельно допустимому максимальному уровню смертности. Если понижение смертности дальше некоторого предельного уровня в каждый данный момент недоступно обществу, находящемуся на определенной ступени развития, экономически, технологически и т.п., то ее сколько угодно большое повышение в этом смысле вполне возможно. Но ему препят-

ствуют установившиеся стандарты, нормы, вытекающие из функционирования не демографической, а всей социальной системы. Поэтому внутри области демографической свободы есть зоны, запретные социально.

Другой вид недемографических ограничений связан с конкуренцией между различными сферами жизни общества из-за ресурсов. Объем ресурсов всегда ограничен, и они должны использоваться на те цели, которые диктуются безусловной необходимостью. Хотя в ходе исторического развития очень сильно ослабевает давление внешней необходимости, связанной с зависимостью человека от неконтролируемых им сил природы, одновременно "с развитием человека расширяется... царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности"^{9/}. Отвоєванные у природы ресурсы могут с равным успехом пойти и на рост потребления /производственного и непроизводственного/, и на рост численности населения при неизменном уровне потребления. Первое диктуется необходимостью развития, второе, как правило, нет. Очевидна объективная предпочтительность первой цели, с реализацией которой связано поступательное движение человеческого общества. Приоритет этой цели и порождает недемографические ограничения, оказывающие сильное влияние на функционирование демографической системы, упорядочивающие разнообразие воспроизводственных исходов в области демографической свободы, и ограничивающие внутри нее область допустимых воспроизводственных исходов.

На протяжении почти всей человеческой истории из-за высокой смертности область демографической свободы была очень мала, а ее границы отличались неустойчивостью. Только в ходе современной демографической революции люди овладели контролем над экзогенными факторами смертности, снизили вероятность обусловленных ими случайных витальных исходов, благодаря чему добились резкого увеличения средней продолжительности жизни. Одновременно несколько увеличилась, по-видимому, реальная плодovitость женщины. В результате произошло небывалое расширение области демографической свободы /см. рис. 2-а и 2-б/.

Огромный рост области демографической свободы и устойчивости ее границ делает возможным бесчисленное множество демографических альтернатив, порождая тем самым проблему коллективного и индивидуального выбора. Поскольку в пределах области свободы все воспроизводственные исходы, с точки зрения демографических ограничений, равноценны, выбор может быть сделан только на основе учета недемографических ограничений, роль которых резко возрастает. Соответственно меняются и требования к управлению рекреационным поведением. При малой демографической свободе главное достоинство такого управления заключается в том, что рекреационное поведение слабо чувствительно к действию недемографических факторов. Оно как бы ограждено от них внешним барьером, подчинено жестким, не допускающим отступления нормам, поддерживается с помощью суровых санкций, нередко прямого насилия над личностью человека, как правило, не знает индивидуального выбора и предпочтения.

Расширение области демографической свободы и появление демографических альтернатив лишает смысла подобный тип управления. Теперь именно высокая чувствительность к действию недемографических факторов становится важнейшим достоинством рекреационного поведения, ибо только сопоставление экономических, социальных, политических, экологических и прочих недемографических эффектов принятия различных демографически равноценных вариантов делает возможным их обоснованный выбор. При сохранении прежней невосприимчивости к действию недемографических факторов резко возросшее разнообразие воспроизводственных исходов в пределах области демографической свободы может оказаться никак не ограниченным. В результате система становится неуправляемой, и невозможные прежде очень высокие значения R_0 получают массовое распространение /такова, в частности, современная ситуация в Средней Азии и Казахстане/. Если же барьер, ограждающий рекреационное поведение от воздействия недемографических факторов, исчезает, эти факторы приобретают значение ограничений, накладываемых на множество воспроизводственных, а,

значит, и прокреационных исходов, и управление системой восстанавливается. Все, что освобождается от давления демографической необходимости, попадает теперь под давление необходимости, связанной с расширением человеческих потребностей. И именно давление этой новой необходимости оказывает упорядочивающее воздействие на разнообразие прокреационных исходов, снижая вероятность большинства из них почти до нуля. Можно сказать, что порождаемое историческим развитием бесконечное разнообразие потребностей, интересов, сфер приложения сил современного человека, всегда располагающего лишь конечными ресурсами и возможностями, противостоит потенциальному разнообразию прокреационных исходов и "уничтожает" его /в смысле У. Эшби: "только разнообразие уничтожает разнообразие"^{10/} /.

Важно, однако, подчеркнуть, что разнообразие недемографических потребностей возникает не мгновенно вслед за расширением области демографической свободы, будучи в какой-то мере ответом на это расширение, оно происходит с запаздыванием. Оно требует существенной социально-культурной перестройки, разрушения старых стереотипов поведения, роста мобильности населения, утверждения новых ценностей, связанных с городским образом жизни, образованием, равноправием женщины и т.п., а на все это нужно время. До тех пор, пока такие перемены не произошли, нет и достаточных недемографических альтернатив различным возможным воспроизводственным исходам, нет, стало быть, и механизма учета недемографических ограничений. Можно думать, что именно в неразвитости такого механизма и коренятся причины высокой рождаемости в Средней Азии и Казахстане, особенно у сельской части их населения.

Подобное положение не может, вероятно, сохраняться долго. Ускоряющееся социально-экономическое развитие региона влечет за собой все более глубокие изменения в образе жизни людей, а, значит, и во всей системе их потребностей, которые становятся все более сложными, развитыми, разнообразными. Постепенно это приводит к вызреванию механизма уче-

та недемографических ограничений в демографическом поведении. Это - объективный процесс, через него прошли многие народы нашей страны, нет оснований думать, что народы Средней Азии и Казахстана составляют исключение. Нам кажется в корне неправильным тезис о том, что условия социализма "создают для среднеазиатских народов широкие возможности для проявления национальных традиций, в том числе и традиций многодетности"^{11/}. Высокая рождаемость - не национальная особенность, а следствие узости области демографической свободы, которая в недалеком прошлом была всеобщей. Еще в первые десятилетия XX в. рождаемость у русских или украинцев была даже выше, чем сейчас у узбеков или таджиков. Она снизилась вследствие социально-экономического и демографического развития, можно не сомневаться, что то же произойдет и у народов Средней Азии и Казахстана. Представляется правильным и плодотворным подход к прогнозированию будущих демографических тенденций казахского демографа М.Д. Тагимова, который связывает эти тенденции с прохождением населения различных республик через последовательные этапы демографической революции, учитывая при этом особенности национальных традиций различных народов.^{12/}

Механизм учета недемографических ограничений - лишь часть единой системы социального управления воспроизводством населения. Он позволяет ограничить разнообразие воспроизводственных исходов внутри области демографической свободы, но никак не препятствует их вынесению за пределы этой области в зону недопустимых значений $R_0 < 1$. Более того, рост одних только недемографических потребностей способствует такому вытеснению, ибо подрывает заинтересованность родителей в рождении детей, заставляет их "экономить на детях" во имя удовлетворения различных материальных, интеллектуальных и прочих потребностей и толкает к снижению рождаемости ниже объективно необходимого уровня. По-видимому, такова в какой-то мере современная ситуация в европейских республиках СССР, со временем она может повториться и в азиатских республиках. Эта ситуа-

ция может быть преодолена только если новая система управления воспроизводством населения будет включать в себя развитый механизм учета демографических ограничений, разнообразие человеческих потребностей будет лишено недемографической односторонности. Для этого оно должно включать и демографические потребности необходимой силы и настоятельности, причем как потребности "терминальные", незаменимые. Наряду с потребностями в различных материальных благах, образовании, досуге и т.п. должна существовать и специфическая прокреационная потребность, которая вообще не существовала прежде или существовала в неразвитом виде. Если эта потребность приобретает мотивационную силу, достаточную для того, чтобы сделать прокреационное поведение человека - в той мере, в какой оно диктуется сохраняющейся демографической необходимостью, - гомеостатичным, устойчивым, слабо зависящим от конкуренции других потребностей, то выход воспроизводственных исходов за границы области демографической свободы становится мало вероятным. Вопрос об историческом развитии такой потребности в связи с формированием "детоцентристской" ориентации семьи и общества обсуждается в наших работах ^{13/}.

Литература.

1. Тятимов М.Б. Развитие народонаселения и демографическая политика. Алма-Ата, "Наука" Каз ССР, 1978, с. 131.
2. Дарский Л.Е. Социально-демографические исследования проблем рождаемости. - Социологические исследования, 1979, 3, с. 11.
3. Ата-Мирзев О. Многолетняя женщина: социально-демографический анализ. - В кн.: Женщины на работе и дома. Сер. "Народонаселение", М., "Статистика", с. 37.
4. Дармин О.В. Методологические проблемы изучения народонаселения. М., "Статистика", 1974, с. 20-21; Мересте У.И. Предмет и структура демографической науки и место исторической демографии. - В кн.: Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977, с. 19-26.
5. Бир Ст. Кибернетика и управление производством. М., Физматгиз, 1963, с. 30 и сл.
6. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. М., Политгиздат, 1973, с. 25-26.

7. Trebici V. Typen der demographischen Transition in den Entwicklungsländern. - Demoökonomische Probleme der Entwicklungsländer. Berlin, Akademie-Verlag, 1979, S. 58-63.

8. Coale A.J., Demeny P. Regional model life tables and stable populations. Princeton, 1966.

9. Маркс К. Капитал. К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. 25, ч. II, с. 386-387.

10. Эшби У. Введение в кибернетику. М., 1959, Изд. иностр. лит., с. 294.

11. Ата-Мирзев О. Указ. соч., с. 29-30.

12. Татимов М.Б. Указ. сочн, с. 132-133.

13. Вишневский А.Г. Социальное управление рождаемостью. - Вопросы философии, 1978, № 6; Вишневский А.Г. О мотивационной основе рождаемости. - В кн.: Демографическое развитие семьи. М., "Статистика", 1979.

